

авансировала деньги на некоторые государственные расходы. По существу это был филиал казначейства. Управляли этими трапезами должностные лица — один или несколько.

В основе появления этих государственных трапез, по мнению Богарта, были не фискальные и не экономические³¹, а чисто технические причины — удобство получения платежей и выдач в любое время. Вначале греческие государства прибегали для этого к услугам частных трапезитов, а впоследствии решили использовать их опыт и извлекать доходы самим. Государственные трапезы не были ни подлинными банками, ни кассами государства, а департаментами казначейства, призванными выполнять определенные финансовые функции.

Обзор всего доступного материала о древнегреческих банках показывает, как скудны наши сведения. Кое-что известно только о 53 государствах, и то это, как правило, случайные выборочные сведения (судебные процессы, почетные декреты, документы храмовой и государственной отчетности, эпитафии). Деятельность трапез в большей части греческого мира покрыта мраком неизвестности.

Насыщенную огромным фактическим материалом работу Богарта трудно подвергнуть обстоятельному анализу в рамках небольшой рецензии. Но из того, что сказано, выявляется огромная кропотливая работа, проделанная автором, за которую ему безусловно должны быть признательны все интересующиеся экономической историей древней Греции. Богарт по возможности учел и критически использовал большую специальную литературу, как издания и комментарии античных текстов, так и работы по истории финансов³². Работа снабжена списком цитированной литературы, обширными индексами (источники, список трапезитов, греческие слова, общий индекс и Addenda).

На основе анализа материала источников ставятся важные проблемы — роль древнегреческих частных банков в развитии кредита, банки и государство, кредитная деятельность храмов, экономический и социальный аспект кредита в древней Греции и др.

Хотя в названии книги, ее отдельных разделов и в самом изложении постоянно фигурируют слова «банк» и «банковские операции», Богарт многократно предостерегает против модернизаторских тен-

денций рассматривать древнегреческие трапезы по меркам средневековых или современных банков (стр. 302—303, 412—413). Согласно тезису, выдвинутому им еще в монографии о происхождении банков в древнем мире (1966 г.), Богарт постоянно подчеркивает, что банковскими операциями можно считать лишь те, которые связаны с предоставлением займов из средств вкладчиков, а не принадлежащих трапезиту или храму. Богарт говорит о примитивном характере кредитных операций в древней Греции и неправомерности аналогии с более поздними периодами. В то же время Богарт сам иногда не чужд модернизаторской терминологии («буржуазия», «капиталисты» — стр. 207—208, 210, 250).

Для мировоззрения автора характерно, что он высоко оценивает статью П. Оливы («Das Altertum», 8 (1962), стр. 39—46), где финансовый кризис Римской империи II—III вв. н. э. рассматривается с марксистской точки зрения (стр. 31, прим. 18... *selon le point de vue marxiste*), сам он пишет, что кризис III в. связан был с кризисом производства, транспорта, населения (стр. 32), что экономические законы сильнее законов государства (стр. 268). Но при этом Богарт дает упрощенное объяснение некоторым историческим явлениям. Так, катастрофическое финансовое положение греческих городов в I в. до н. э. объясняется только войнами с Митридатом, пиратством, контрибуциями римских и понтийских полководцев (стр. 194—195, 240, 255, 281). Несколько наивно трактуется связь между обогащением отдельных лиц и захватом ими политической власти в некоторых греческих государствах (стр. 24). Недостаточная строгость делосских гипотез при взыскании процентов и недоумок с должников объясняется мягкостью администрации и трудным экономическим положением делосцев (стр. 152—153), в то время как здесь следовало бы сказать о специфике античной собственности и греческого полпса.

В тщательно выполненной работе встречаются некоторые неточности и опечатки³³.

Со многими положениями Богарта можно и следует спорить, далеко не все выдвигаемые тезисы доказаны или доказуемы при нынешнем состоянии источников.

³¹ Наряду с государственными трапезами продолжали активно действовать и частные.

³² Автор, по-видимому, не владеет русским языком, но все же ссылается несколько раз на работы советских ученых, особенно опубликованные в ВДИ (стр. 120, 121, 124).

³³ Так, на стр. 58, прим. 165 неверна ссылка на Полибия. Напечатано Polyb. 31, 27, а надо Polyb. XXXII, 13; на стр. 147 напечатано tierce вместо tiers. На стр. 159 вместо даты 218 напечатано 128; на стр. 323 — «casulé» вместо «calculé»; на стр. 373, прим. 409 напечатано Lije вместо Lys.; на стр. 383, прим. 461 — Calhoun вместо Calhoun; на стр. 396, прим. 556 — Dem. 91, 215 вместо Dem. 19, 215; на стр. 453 (Addenda) — к стр. 113, надо к стр. 114.

Но в целом эта тщательно выполненная и основанная на большом кропотливом труде работа заслуживает высокой оценки. Собранный автором огромный материал и поставленные им вопросы открывают перспективы новых исследований в области

кредитных отношений древнего мира³⁴.

³⁴ Сам Богарт готовит монографии о государственных займах в древней Греции, о банках Птолемея Египта, собрал материал о банках древнего Рима.

Л. М. Глушкина

G. J. D. AALDERS, *Die Theorie der gemischten Verfassung im Altertum*, Amsterdam, 1968, 132 стр.

Автор начинает с утверждения, что для греков уже с архаической поры идеалом была умеренность, о чем свидетельствует старинное изречение «ничего слишком». Из этого стремления к середине, среднему пути вырастает мысль о предпочтительности «среднего», т. е. смешанного строя. Мысль о середине, о преимуществах среднего социального слоя в государстве выразил в VI в. до н. э. Фоклид Милетский — «у средних (граждан) многое является превосходным, я хочу быть средним в государстве». Аальдерс мог бы яснее представить возникновение идеала «средней» жизни. «Среднего» состояния, «среднего» строя из исторических обстоятельств социальной борьбы между богатыми и бедными гражданами в греческих полисах, во время которой победа склонялась то в одну, то в другую сторону, и неустойчивое положение в государстве порождало мечту о спокойствии, которого ждали от тех, кто не принадлежал ни к богатой верхушке, ни к бедным низам, т. е. от граждан со средним достатком. Мысль о «среднем» строе пробивает себе дорогу не без труда, в борьбе с другими течениями. Из «Политики» Аристотеля (IV, 1296 а, 36) мы знаем, как далеки были политические деятели Греции от намерения осуществить «средний» строй на практике. С трудом подбирает Аристотель примеры реализации такого строя. Эта сторона дела не обратила на себя внимание автора книги.

Бесспорна заслуга Аальдерса в том, что он, опираясь на работы своих предшественников и внося много нового от себя, проследживает эволюцию теории смешанной конституции в Греции и Риме начиная с конца V в. до н. э. и конца II в. н. э. Оправдание своей работе автор видит в том, что существующая по вопросу литература либо не охватывает историю теории смешанной конституции на всем ее протяжении, либо страдает некоторой односторонностью.

В книге выдвигается положение, что ранее V в. теория смешанной конституции возникнуть не могла и что до того времени самые слова *ἀριστοκρατία*, *δημοκρατία*,

πολιτεία едва ли могли появиться. Следует, однако, отметить, что, по крайней мере, в одном пункте суждения Аальдерса легко опровергнуть. Слово *δημοκρατία* встречается в политической лирике начала и первой половины VI в. (Солон, № 10, 3 D; Феогнид, 52) в применении к тиранам. Уже это одно делает маловероятным предположение о гораздо более позднем происхождении слова *πολιτεία*. Всякие сомнения на этот счет устраняются одним фрагментом Алкея, где ясно читается *πολιτεία* (The Fragments of the Lyric Poems of Alcaeus, ed. by E. Lobel, Oxf., 1927, Ab. 27). Содержание отрывка ввиду плохого состояния текста на цитировавшемся не поддается уяснению, но существование слова (уже в смысле термина) в конце VII—VI в. до н. э. можно считать не подлежащим сомнению.

На гораздо более прочной почве стоит Аальдерс, когда он говорит о приоритете (в смысле времени возникновения) термина *ισομερία* перед термином *δημοκρατία*.

В книге опровергается мнение о пифагорейском происхождении теории смешанной формы правления и доказывается на солидном основании, что пифагорейская политическая мысль развилась уже после Платона. В нашей традиции речь о смешанном государственном устройстве впервые идет у Фукидида, когда он оценивает конституцию Пяти тысяч в Афинах в 411 г. как «умеренное смешение» (олигархии и демократии) — *μετρίᾳ ἑταίρισις* (VIII, 97, 2). Аальдерс ставит вопрос, не являлась ли смешанная конституция лозунгом близких к Ферамену кругов, взгляды которых передает здесь историк. По предположению автора книги, истоки теории смешанной конституции следует искать у софистов: правда, доказательств в пользу такого предположения нет.

Теория смешанной конституции занимает прочное место в политических рассуждениях конца V и начала IV в. до н. э. Ее хорошо знает Платон, который лет через 15 после VIII книги Фукидида пишет своего «Менексена». Приписанная там Аспасии надгробная речь содержит очень условную похвалу Афи-

нам, причем упоминание о смешанной конституции служит некоторой прикрасой для такой похвалы. Иную, более важную роль играет смешанная конституция в «Законах» Платона. Исократ не только хорошо знает теорию смешанного строя, но и находит его в Афинах в древнюю пору, когда там господствовал «прародительский строй» — *πάτριος πολιτεία*. Оратор усматривает в этой конституции времен Солона смешение демократии с аристократией. Исократ (и это особенно подчеркнуто в разбираемой книге) оперирует, как и Платон, терминами *δημοκρατία*, *ἀριστοκρατία*, *μοναρχία*, а не обозначениями социальных групп *οἱ ἄλλοι*, *οἱ πολλοί*, как это делает в отмеченном выше месте Фукидид.

Одна из основных мыслей Платона в III книге «Законов» — благодетельность смешанного образа правления. Божество, заботясь о спартанцах, дало им царскую власть, человеческая природа добавила к этому герусию, «третий спаситель» (имеется в виду, вероятно, царь Феопомп) присоединил сюда эфрат. Так получился смешанный строй: цари представляют монархический элемент, геронты — аристократический (олигархический), эфотры — демократический (спартанскому народному собранию Платон, как и позднее Аристотель, не придает никакого значения). Сарту философ считает образцом хорошо организованного государства. Аальдерс входит в подробный разбор высказываний Платона о спартанском государстве. Смешанный строй этого государства не является в глазах Платона идеальным, но занимает второе место после идеального строя. Судя по резюмирующим словам самого Платона (701D), в основе идеального строя «Законов» лежит соединение свободы и господства (= власти, авторитета), монархического (в условном смысле) и демократического принципов, в результате чего в государстве царит единодушие. Аальдерс прослеживает конструктивную роль этой основной мысли в созданном Платоном проекте идеального государства. Он находит у Платона преобладание «монархического» (точнее — аристократического) начала над «демократическим»; последнее является демократическим в условном смысле, так как «народ» у Платона состоит из землевладельцев. Этот народ обладает некоторой властью, хотя и ограниченной (участие в народном собрании, в выборе должностных лиц, в судопроизводстве). Невозможно установить степень самостоятельности Платона; все же будет закономерным заключение, что он, безусловно завися от предшествовавших теоретиков, сам, по видимому, разработал дальние и углубил теорию смешанного строя. В заключение раздела о Платоне разбирается восьмое его письмо, причем вопрос о подлинности письма оставлен в стороне; в случае, если бы письмо оказалось неподлинным, оно

все-таки отражало бы раннюю и подлинную традицию Академии. В письме, адресованном друзьям убитого сиракузянина Диона, рекомендуется изменить тиранию в законную монархию с соблюдением смешения демократических и аристократических элементов.

Между Платоном и Аристотелем в трактате Аальдерса помещены анонимные теоретики, мнение которых воспроизводит, внося в него поправки, Аристотель в своей «Политике» (II, 1273 b, 35 сл.). «Некоторые» (*ἐνιοί*), как их называет Аристотель, считают конституцию Солона смешанной. Аальдерс склонен относить этих теоретиков скорее к кругам Академии, нежели к окружению Ферамена. Основанием для этого служит, наряду с некоторыми другими признаками, сходство с Платоном в различении олигархии и аристократии (см. Платон, «Политик», 301 C).

Как это и естественно, большое место уделено в книге взглядам Аристотеля на смешанную конституцию. Последняя не совпадает у Аристотеля с идеальным строем; она привлекает к себе симпатии философа потому, что, обладая рядом достоинств, в то же время практически осуществима. Аальдерс признает близость воззрений Аристотеля к программе умеренных олигархов типа Ферамена, и к построениям Платона в «Законах», но не отрицает и самостоятельности аристотелевской «Политики». Широко освещенный в литературе теоретических проектов идеального социального строя, опираясь и на свое прекрасное знание государственного строя греческих полисов, Аристотель создал свое собственное понятие политики, т. е. среднего государственного устройства, которое называется смешанным строем. Сам по себе принцип смешения еще не обеспечивает высоких качеств государственного строя. Виды смешений бывают разные, в том числе и не заслуживающие одобрения. Смешанная конституция, которой в действительности занимается Аристотель, состоит из элементов демократических, олигархических и в некоторых случаях аристократических (*ἡμετέρι*). Тщательный анализ хода рассуждений Аристотеля убеждает автора разбираемой книги в конкретном характере политического мышления руководителя Ликия и в ошибочности мнения тех, кто говорит об абстрактном мышлении педанта.

Очень внимательно анализируются в книге все места «Политики», где речь идет о «политии» и «хорошей демократии»; наглядно показывается условность грани между той и другой — одно и то же государственное устройство выступает у Аристотеля то под одним, то под другим названием (стр. 67 сл.). Подводя итог своему рассуждению об Аристотеле, голландский ученый говорит, что теория Аристотеля была продолжением и заверше-

нием старых теорий, обращенных к полису, а потому и не могла оказать большое влияние на государственную мысль эллинистической поры.

В своем подробном и убедительном разборе учения Аристотеля о смешанной («средней») конституции Аальдерс останавливается и на том знаменитом месте «Политики» (IV, 1296 а, 36—40), получившем столько разных толкований, где Аристотель говорит о редкости «среднего» государственного строя (Аальдерс, рец. соч., стр. 66). Автору русских работ, предложившему новое толкование этого места, приходится с прискорбием констатировать, что его интерпретация¹ осталась вне поля зрения Аальдерса, который, взвесив разные возможности, останавливается на давно выдвинутой на роль «единственного мужа» кандидатуре Солона.

Следующее по времени сохранившееся обстоятельное рассуждение о смешанной конституции принадлежит Полибию (VI книга, от которой имеются большие отрывки). Аальдерс, однако, справедливо замечает, что теория смешанного государственного строя не была забыта в эллинистическое время. Утраченные сочинения перипатетиков, особенно Феофраста, могли бы многое нам открыть. Сохранившиеся отрывки сочинений Дикеарха² дали Аальдерсу возможность сделать, пусть в гипотетическом плане, интересные выводы относительно самостоятельной разработки Дикеархом теории смешанной конституции и о его влиянии на последующих греческих и римских теоретиков. Оригинальность позиции Дикеарха сравнительно с позицией Платона и Аристотеля состоит в том, что он — сторонник *βλὸς πρακτικῆς*, а потому не занимается построением идеального государственного строя. Смешанный государственный строй, с его точки зрения наилучший, он находит в Спарте. В противоположность Аристотелю он считает смешанный строй не чем-то промежуточным между другими устройствами, а особым строем наряду с шестью аристотелевскими. Ввиду того, что такое воззрение находится в одной из речей Элия Аристиды (II в. н. э. — речь *Εἰς Ρόμην*, XIV, Dindorf = XXVI Keil), Аальдерс склонен видеть в этом доказательство влияния перипатетика IV в. на оратора времен Римской империи. Свою гипотезу о значении мыслей Дикеарха для дальнейшей истории политических учений Аальдерс развивает и в небольшой

главе о Стое и в особенности в развернутой главе о Полибии (стр. 85—106).

Разбирая политические воззрения Полибия (VI книга его Истории), наш автор отклоняет возможность связать генетически Полибия с Платоном или Стоиками. Полибий, хорошо знакомый с обширной греческой политической литературой, частично повторяет то, что в его время было общим достоянием, — сюда относятся и ряд мыслей, касающихся смешанной конституции. Последняя была воплощена в спартанском строе, она обладает прочностью, устраняет возможность раздоров среди граждан. Во многом Полибий самостоятелен. Выдающимся примером государства со смешанной конституцией он считает Рим (в большей мере, чем Спарту, Мантинею и Карфаген). Римская конституция — результат естественного роста, а не планомерной деятельности законодателя. Рим не может пасть из-за какого-нибудь дефекта в своем устройстве. Допуская в абстрактном плане возможность падения Римского государства, Полибий все же указывает, что до сих пор римляне шли по правильному пути как во внутренней (в противоположность карфагенянам), так и во внешней (в противоположность спартамцам) политике.

Теория смешанной конституции, бывшая актуальной для греческих полисов, оказывалась в применении к Риму чистой теорией — ведь фактически сенат и исполнительная власть находились в руках одной и той же элиты. Подходя к римской действительности с греческими (спартанскими) мерками, Полибий видел монархическое начало в консулах, аристократическое — в сенате, демократическое — в народных трибунах. Эти три элемента поддерживают между собой, по мнению Полибия, равновесие. Здесь Полибий оригинален — в рассуждениях Аристотеля о разных элементах в государстве учения о равновесии элементов не имеется. Впрочем, Аальдерс допускает и другие объяснения: влияние Дикеарха или какого-нибудь иного источника.

Одной из характерных особенностей теории Полибия является мысль о цикличности, круговороте, неизменной последовательности смены форм правления. Эта мысль не могла быть заимствована Полибием у Аристотеля, который не признает строго детерминированной последовательности. Конституция, по Полибию, достигает расцвета благодаря равновесию между ее элементами, нарушение равновесия приводит ее к упадку и переходу, в порядке циклической последовательности, в другую конституцию.

В смешанной конституции Рима Полибий больше всего ценит аристократический элемент, и Рим своего времени он рассматривает как государство аристократическое. Это стоит в связи с учением Полибия о том, что в смешанном строе важен не самый факт смешения или опо-

¹ А. Д о в а т у р, Политика и Полития Аристотеля, М.—Л., 1965, стр. 45—58; он же, «Средний» государственный строй в Политике Аристотеля и историческая действительность, сб. «Античное общество», М., 1967, стр. 274—277.

² См. Fr. Wehrli, Die Schule des Aristoteles, I, Dikaiarchos, 2 изд., Basel, 1967.

ры на средние слои с соответствующим характером конституции, а соотношение компонентов, элементов, составляющих смешанный строй. Рим стал великим не потому, что он шел по «среднему» пути, а потому, что он даже в трудных обстоятельствах выбирал наилучшее, т. е. комбинировал наиболее ценное из всех хороших конституций.

В учении Полибия есть трудно примиримые элементы: традиционное представление о прочности смешанной конституции и теория строго детерминированной последовательности конституций. В сущности здесь одно противоречит другому. Противоречие было давно замечено, и для устранения (или, по крайней мере, сглаживания) его были выдвинуты разные объяснения. Аальдерс находит справедливым мнение, что Полибий не сумел справиться с теориями, которые он призывал себе на помощь для осознания исторического процесса. Возможности примирения двух, казалось бы, несовместимых идей все же существует. Аальдерс приводит с одобрением объяснение фон Фритца³. Знакомство с государственным строем Рима внушило Полибию уверенность, что в смешанной конституции происходят изменения, аналогичные сменам конституций в цикле с той только разницей, что в фазах смешанной конституции отдельные конституции не следуют одна за другой, а присоединяются одна к другой, так что конституция в целом остается смешанной. Аальдерс (стр. 106, прим. 92) от себя конкретизирует: в Риме к остаткам царской власти (консульству) присоединяется аристократия, а затем и демократия; следствием этого является возникновение смешанной конституции в Риме, т. е. вся римская история со времен изгнания царей оказывается вне циклической смены конституций. Впрочем, сам Аальдерс ставит вопрос, в какой мере это следствие сознавал Полибий.

В Риме бесспорно интересовался смешанной конституцией Цицерон. Известно, что в своих философских воззрениях он не был самостоятельным и зависел от греков. Так же обстоит дело и с его трактатом *De re publica*. Заметная близость теории смешанной конституции у Цицерона и Полибия свидетельствует о влиянии Полибия на Цицерона. Однако в ряде случаев римлянин отклоняется от Полибия, в других — он дает больше, чем Полибий. Отсюда делается закономерный вывод о том, что последний не мог быть основным источником для Цицерона. Едва ли таким источником мог быть и Панетий. Аальдерс допускает влияние Платона, Аристотеля, Феофраста и других перипатетиков. Высокая оценка, даваемая Цицероном Дикеарху, делает вполне вероятным и влияние этого последнего.

Заслуживает внимания произведенный в книге сравнительный анализ взглядов Полибия и Цицерона на смешанную конституцию. У римлянина ясно выражена мысль о вечности смешанной конституции и о ее неподверженности порче и упадку. Цицерон тем самым предстает перед нами как родоначальник идеи *Roma aeterna*, которая в императорскую эпоху, особенно в позднее время, занимает большое место в римской идеологии.

После Цицерона проблема государственного устройства в римской литературе не обсуждается. Теория смешанной конституции продолжает существовать, но превращается либо в абстрактное теоретизирование, имеющее отношение только к прошлому, либо, лишившись своего прежнего содержания, становится средством восхваления императорской власти. К прошлому обращены те места *Antiquitates Romanae* Дионисия Галикарнасского (современника Августа), в которых историк говорит о смешанной конституции. Мысли его — не результат глубоко продуманной теории, а размышления начитанного человека. Дионисий испытал на себе влияние Полибия (последовательность смены конституций, разделение полномочий между царем, сенатом и народом в царский период и др.). Не все точки соприкосновения с Полибием следует рассматривать как доказательство его влияния на Дионисия, кое-что могло быть результатом устоявшейся теории смешанной конституции. Все же в своей схеме конституций Дионисий отличается от Полибия: главное отличие в том, что последовательность конституций не является у Дионисия строго детерминированной: демократия и аристократия могут перейти в тиранию, т. е. в извращенную форму монархии. Свои мысли Дионисий заимствовал у разных авторов, но в одном он, по-видимому, самостоятелен. Именно под воздействием современных ему политических обстоятельств и дискуссий он вносит в теорию смешанной конституции нечто новое — роль диктатора (VII, 56), который, получив полномочия на шесть месяцев, будет сдерживать порывы народа, назначит подходящих должностных лиц, устранит из государственной жизни порочный элемент, а здоровому не позволит портиться: выполнив свое дело, он возвратится в частную жизнь, получив за свою деятельность заслуженный почет и ничего больше.

При преемниках Августа, когда вопрос о государственном устройстве получил на практике окончательное разрешение, теория смешанной конституции превращается в риторический пропагандистский лозунг, служивший для возвеличения императорской власти. Очень сомнительно, чтобы римская власть выдвигала этот лозунг как официальный, но писатели настаивали на нем (особенно во II в. н. э.).

³ К. v. Fritz, *The Theory of the mixed Constitution in Antiquity*, N. Y., 1954.

Вне этой линии находился Тацит. В одном месте («Агрикола», 3) он говорит, что Нерва соединил некогда несоединимые вещи — принцип и свободу. В другом месте («Анналы», I, 33) Тацит неблагоприятно судит о смешении разных принципов в государственном строе — смешанные формы, по его словам, легче поддаются восхвалению, нежели осуществлению, а если и реализуются, то не могут быть долговечными. Это — единственный дошедший до нас от античности неблагоприятный отзыв о смешанной конституции.

Филон Александрийский и Элий Аристид считают римское государственное устройство соединением монархии и демократии. Демократический элемент усматривается писателями в том, что в Римском государстве всякий живет в безопасности и благоденствует.

В своей книге Аальдерс дал читателям историю теории смешанной конституции в древнем мире с той степенью обстоятельности и точности, какую допускают сохранившиеся источники. Филляция идей устанавливается с большой осмотрительностью, с учетом, с одной стороны, роли утраченных произведений, с другой, — второго неизвестного, которое автор назы-

вает «общим достоянием», так что простое сходство между мыслями разных писателей не служит доказательством зависимости одних от других, если к такому заключению не приводят дополнительные соображения. Чужда автору книги и тенденция возводить теоретические рассуждения античных писателей к одному источнику. Читая книгу Аальдерса, ясно видишь недостаточность нашей прямой и даже косвенной информации об античных политических теориях. Основные линии в развитии античной политической мысли, в частности и теории смешанной конституции, могут быть начертаны с достаточной уверенностью, но местами даже эти линии прерываются и их приходится донеснять пунктиром, т. е. прибегать к догадкам. К числу таких догадок, а priori вполне приемлемых, хотя и не подкрепляемых несокрушимой аргументацией, принадлежит гипотеза о воздействии Дикеарха на последующих теоретиков. В целом новая книга — прекрасный вклад в научную литературу об античной политической мысли.

А. И. Доватур

ANDRÁS MÓCSY, Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior, Budapest, 1970, 266 стр. + указатель

Новая книга известного венгерского историка Андраша Мочи, перу которого принадлежит несколько работ по истории дунайских провинций, посвящена внутренней истории Верхней Мезии. Это — первая предпринятая в литературе попытка обобщить происходящие из этой провинции эпиграфические данные и преимущественно на основании их воссоздать характер общества и степень романизации этой почти не исследованной дунайской области Империи; А. Мочи опирается также и на археологические публикации югославских ученых и на некоторые общие работы по истории плеиро-фракийских областей в римской период. Исследовательский метод, примененный автором к анализу эпиграфического материала, весьма ограниченного и по количеству, и по содержанию, достигает в этой работе едва ли не математической точности. Из надписей — в зависимости от их содержания, места находки (город или его сельская территория), названных в них имен, характера самих памятников (надгробия или алтари), социального и общественного положения лиц, их поставивших, — извлекается множество важнейших данных для суждения об обществе провинции, в которой мере ее военной и экономической истории, социальной и культурной романизации. В приложении А. Мочи изло-

жены некоторые принципы извлечения из надписей статистических данных и соображения о находках римских монет и керамики, происходящих из Верхней Мезии, — материал, который еще не обработан для исторического исследования.

Ознакомившись только с введением, читатель уже знает, что в дальнейшем, в самой книге он встретит новый и свежий подход к оценке многих, казалось бы, решенных вопросов и устоявшихся представлений по истории дунайских провинций. Так, во введении А. Мочи замечает, что в современной исторической науке понятие «романизация» сделало блестящую, хотя и в высшей степени сомнительную карьеру. Исторический процесс, продолжает он, заслуживающий всестороннего исследования, часто просто подводится под собирательное понятие «романизация» и им покрывается — совершенно трезвые суждения, с которыми нельзя не согласиться и обоснование которых проводится автором на протяжении всего изложения.

В книге пять больших глав и уже упоминавшееся приложение. В I главе, посвященной исторической географии провинции, разбирается вопрос о границах Верхней Мезии, дорожной сети и территориях — римских муниципиев и колоний, peregrinских общин,